

ФЕМИНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ПОЛИТИКИ

FEMINISM AS AN IDEOLOGY AND CONCEPTUAL BASE FOR POLITICS

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-16-24

Научная статья / Research article

Множественность феминизма: синтезы локальности и универсальности

А.В. Кутелева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация
✉ akuteleva@hse.ru

Аннотация. Любые универсальные определения феминизма – как и того, что составляет феминистскую теорию, политическую стратегию и связанные с ней практики – проблематичны. Патриархальные отношения, против которых феминизм выступает, имеют разные конфигурации в зависимости от социального, экономического, культурного и политического контекста. Следовательно, существуют разнообразные феминизмы – множество синтезов локального и универсального знания. Данная статья анализирует концептуальные и политические разломы внутри условно глобального феминизма, связанные с гегемонией «западных» идей и ее критикой со стороны транснациональных и постколониальных феминисток, а также рассматривает подходы к пониманию постсоциалистических трансформаций и локализации феминизма, и в частности эволюции феминистских идей в России.

Ключевые слова: транснациональный феминизм, постколониализм, постсоциалистический переход, постсоветские гендерные исследования, колониальность, транслокальность, глобализация

Для цитирования: Кутелева А.В. Множественность феминизма: синтезы локальности и универсальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 16–24. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-16-24>

The Multiplicity of Feminism: Syntheses of the Local and the Universal

Anna V. Kuteleva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
✉ akuteleva@hse.ru

Abstract. Any universal definitions of feminism – as well as what constitutes feminist theory, political strategy, and related practices – are problematic. The patriarchal relations that feminists

© Кутелева А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

oppose have different configurations depending on the social, economic, cultural and political contexts. Consequently, there are various feminisms: multiple syntheses of local and universal knowledge. This article analyzes the conceptual and political rifts within the “global” feminism associated with the hegemony of “western” ideas and its criticism by transnational and postcolonial feminists and examines the postsocialist transformations and localizations of feminism and, in particular, the evolution of feminist ideas in post-soviet Russia.

Keywords: transnational feminism, postcolonialism, postsocialist transition, post soviet gender studies, coloniality, translocality, globalization

For citation: Kuteleva, A.V. (2022). The multiplicity of feminism: Syntheses of the local and the universal. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 16–24. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-16-24>

Множественность феминизма

Женщины разных стран и культур объединялись, чтобы отстаивать свои права, по крайней мере, начиная с эпохи «первой волны» феминизма. В начале XX в. борьба за политические и социальные права, за мир и антимилитаризм объединила женщин всего мира. Современный феминизм – это один из результатов этой борьбы. Но что такое феминизм? Кто такие феминистки? Как мы понимаем феминизм вне национальных границ? В разных культурах? Через века? Эти вопросы ежедневно поднимаются активистками современного женского движения, исследователями, журналистами и обывателями. Кажется, что у всех участников обсуждения разные ответы и каждый ответ наполнен своим политическим и эмоциональным зарядом.

Любые универсальные определения феминизма или того, что составляет феминистскую теорию, политическую стратегию и связанные с ней практики, проблематичны. Патриархальные отношения, против которых феминизм выступает, имеют разные конфигурации в зависимости от социального, экономического, культурного и политического контекста. Абсолютно очевидно, что контексты, в которых появляются и развиваются феминистские идеи, существенно различаются. Локальный опыт приводит к ситуативному знанию. Идеи, которые являются прогрессивными в одной социокультурной ситуации, могут быть регрессивными в другой. Следовательно, существуют разнообразные *феминизмы* – и речь идет о кардинально различных подходах к проблемам гендерного неравенства и связанным с ними стратегиям расширения и уравнивания политических, экономических, социальных и личных прав для женщин.

В глобальном масштабе различия между феминистками возникают не только из источников их идей – светские или религиозные идеологии, философские концепции, сопротивление различным формам эксплуатации, политика идентичности, этническая принадлежность или понимание сексуальности, но также и из-за различного понимания того, что значит быть женщиной. При этом, как подчеркивают Елена Здравомыслова и Анна Темкина, «для феминизма к контексте глобализации характерно сочетание локальных действий с политикой кросс-культурной солидарности» [Здравомыслова,

Темкина 2007:75]. То есть критическая позиция и стремление к социальной справедливости сближают феминисток, находящихся в разных социокультурных и политических системах.

В данной работе мы рассматриваем современный феминизм во множестве синтезов локального и универсального знания. Разделение международного пространства после Второй мировой войны на капиталистический Первый мир, социалистический / коммунистический Второй мир и постколониальный Третий мир включало параллельное разделение между женщинами каждого из этих миров. Как справедливо подчеркивает Дженнифер Сухланд, «несмотря на попытки выйти за рамки ограничений мета-географии трех миров Холодной войны, многие ее симптомы остаются с нами и сегодня» [Suchland 2011:838]. Отталкиваясь от «мета-географии трех миров», в первой части работы мы анализируем концептуальные и политические разломы внутри условно глобального феминизма, связанные с гегемонией «западных» идей и ее критикой со стороны транснациональных и постколониальных феминисток. Во второй части работы представлены подходы к пониманию постсоциалистических трансформаций и локализации феминизма, и в частности к эволюции феминистских идей в постсоветской России.

Критика «западного» феминизма и эволюция транснационального постколониального феминизма

Международная иерархия, являющаяся продуктом «мета-географии трех миров», привела к разрыву между феминизмами Первого мира и Третьего миров. У этих феминизмов разные приоритеты: большинство феминисток Первого мира считают правовое равенство и репродуктивные права ключевыми феминистскими требованиями и целями борьбы, тогда как активистки Третьего мира выделяют колониализм и империализм как основные препятствия на пути продвижения прав женщин. Разногласия между феминизмами Первого и Третьего миров проявились еще в самом начале Десятилетия женщины ООН (1976–1985), направленного на решение проблемы низкого статуса женщин во всем мире, и особенно на первой (Мехико, 1975 г.) и второй (Копенгаген, 1980 г.) Всемирных конференциях по положению женщин [Moghadam 2015:57–58]. В 1980-е гг. эти разногласия усугублялись на фоне того, что большинство международных проектов в области развития в странах Третьего мира игнорировали интересы местных женщин. В частности, многие проекты исключали местные сообщества из процесса планирования развития и не принимали во внимание производительную роль женщин, а также их репродуктивные обязанности и потребности. В целом условно глобальную феминистскую теорию, то есть институционализированные идеи и доминантные дискурсивные шаблоны внутри широкой интеллектуальной парадигмы, во второй половине XX в. характеризовало представление об универсальности гендерной иерархии, которая не зависит от контекста. Превалявавшая гендерная асимметрия, предписывающая представительницам Первого и Третьего миров разные роли, лишала колониальные субъекты

(«субалтернов» [Spivak 2003]) возможности построения собственной позитивной идентичности.

В 1990-е гг. конфликт между феминизмами Первого и Третьего миров постепенно трансформировался в конфликт между «западом и всеми остальными». Гада Махруз определяет «запад» как «политико-экономическую программу, которая формирует социальные структуры и властные отношения в расистском глобальном мире» [Mahrouse 2008:91]. Данное определение строится на диспозиционном и реляционном понимании власти, то есть характеризует власть «запада» как возможность, способность и потенциал, который может быть реализован (а может остаться и нереализованным) только в процессе социальных отношений. В модернистской/колониальной неолиберальной модели развития¹, где «запад» позиционирует себя инициатором всех социальных отношений, «все остальные» должны пассивно признавать его нормативную гегемонию. Индерпал Гревал и Карен Каплан, основательницы транснациональной феминистической культурологии, утверждают, что эта модель упрощает сложные и многослойные социальные отношения до простейшей бинарной конструкции «центр-периферия», лишает субъектности подчиненные группы (бывший Третий мир), а также игнорирует динамику власти внутри каждой стороны бинарной модели (как внутри бывшего Первого мира, так и внутри бывшего Третьего мира) [Grewal, Kaplan 1994:9]. В результате, несмотря на лучшие намерения «западных» феминисток, их теории и выстроенные на основе этих теорий активистские стратегии исходят из позиции «цивилизованные мы / варварские они».

Критики «западного» феминизма противопоставляют ему транснациональный постколониальный феминизм, который – как теория и мобилизационная стратегия – объединяет женщин Глобального Юга и цветных женщин Глобального Севера [Grewal, Kaplan 1994; Grewal 1998; Mohanty 2003; Conway 2017]. Транснациональная феминистская теория утверждает, что «западные» модели феминизма игнорируют значимые различия между женщинами на местном и глобальном уровнях, представляя белых обеспеченных женщин Глобального Севера как спасительниц их обездоленных «сестер». Как суммирует Лорен Б. Уилкокс, «неотъемлемого и единого для всех женщин *женского опыта* не существует», поэтому теоретические конструкции, которые обобщают жизни *всех* женщин, «универсализируют опыт каждой конкретной женщины и воспроизводят иерархические властные отношения» [Wilcox 2015:42].

В последние несколько десятилетий транснациональное феминистское движение набирает силу. Социолог и исследовательница международного

¹ Как пишет Вальтер Миньоло, «современность (*modernity*) – это не онтологическое развертывание истории, а гегемонистский нарратив западной цивилизации» [Mignolo 2011:279]. Следуя логике Миньоло и других критических исследователей, мы подчеркиваем, что доминирующая неолиберальная модель развития является продуктом колониальной современности и дискурсивным инструментом дисциплинирующей силы «запада», то есть одновременно и модернистской, и колониальной.

феминистского движения Валентайн М. Могхадам утверждает, что динамичное развитие транснационального феминистского активизма после принятия так называемой «Пекинской декларации»² в 1995 г. является результатом глобализации и усиливается вследствие быстрого прогресса в области информационных и коммуникационных технологий. Она характеризует существующие транснациональные феминистские сети как «подвижные и неиерархические структуры, охватывающие локальные и глобальные пространства» и вносящие серьезный вклад в «глобальное гражданское общество», сочетая утопические и прагматические подходы и ориентации [Moghadam 2015:56]. Сегодня объектом критики транснационального феминизма становится не только универсализирующий «западный» феминизм как таковой, но и различные формы и сочетания религиозного, милитаризированного и рыночного (неолиберального) фундаментализма, господствующие в разных частях мира. В этом контексте важной частью феминистской теории становится глубокий анализ национального государства и насилия, совершаемого от его имени.

Феминизмы на постсоветском пространстве

Многие современные исследователи распространяют логику конфликта между феминизмами Первого и Третьего миров на эволюцию феминизма в бывшем Втором мире. Например, гендерная исследовательница Саша Талавер в предисловии к альманаху «Феминистский самиздат. 40 лет спустя» утверждает, что Второй мир был исключен «из современной феминистской теории и женской истории как эпистемологически продуктивная перспектива» вследствие «проигранной» Холодной войны [Талавер 2020:16]. В период институционализации гендерных исследований и расцвета феминистского движения на постсоветском пространстве в 1990-е гг. «российский (теоретический) дискурс становился открытым, он находился в состоянии освоения, впитывания, перевода множества социальных теорий самого разнообразного происхождения» [Здравомыслова, Темкина 2007:83]. При этом «импортированные» концепции рассматривались как наиболее теоретически и стратегически значимые и постепенно вытесняли и локальное знание, и локальную память [Талавер 2020:16].

Кроме того, постсоветские гендерные исследования развивались «не как ответ на „мужской шовинизм и сексизм“, а как реакция на унификацию половых различий, характерную для советской идеологии» [Пушкарева 2010:58]. Во многом процессу их развития и институционализации мешал господствующий и в науке, и в общественной дискуссии миф о «решенном женском вопросе» в Советском Союзе [Пухова 1989; Поленина 1990]. Согласно этому мифу, социально-экономическая политика и идеология Советского Союза были по умолчанию феминистическими и не только способствовали расширению

² Пекинская декларация, принята четвертой Всемирной конференцией по положению женщин, Пекин, 4–15 сентября 1995 г., A/CONF.177/20/Rev.1, сс. 2–6. URL: <https://undocs.org/ru/A/CONF.177/20/Rev.1> (дата обращения: 15.09.2021).

прав и возможностей советских женщин, но и обеспечили гармоничное развитие постсоветских женщин [Юкина 2011:30–31]. Таким образом, постсоветским женщинам, с одной стороны, предлагается начать осмыслять себя через «западный» феминизм, потому что социалистическая модель равноправия обнулилась, а с другой – отказаться от не просто «западного» феминизма, а от феминистического дискурса в целом как от ненужного и в некоторых случаях даже опасного. Наследие же советского феминизма – как раннего, так и позднего – предано забвению или обесценено.

В работах деколониального философа и феминистской исследовательницы Мадины Тлостановой процесс переосмысления интеллектуального и идеологического феминистского наследия Второго мира предстает с другой стороны: «Россия – это империя – двуликий Янус, одно „лицо“ которого всегда было повернуто к Западным капиталистическим империям (и во времена царской России, и в СССР, и тем более сегодня), а совсем другое лицо глядело и смотрит на российские колонии, бывшие колонии и многочисленных сателлитов» [Тлостанова 2004:40]. М. Тлостанова называет Россию «парадигматической империей второго класса», поясняя, что Россия всегда «находилась в состоянии глобальной колониальности по отношению к Западу», и эта колониальность проявляется наиболее отчетливо во всех сферах производства и передачи знания [Тлостанова 2011]. При этом Россия, по ее мнению, «проецирует собственные комплексы неполноценности на свои колонии». Таким образом, Россия является одновременно и объектом, и субъектом колониализма. Следовательно, «постсоциалистическая и постсоветская гендерная перспектива усложняет дихотомическую схему „цветные женщины против западных феминисток“, поскольку она имеет дело с дополнительными концепциями и более сложной логикой, которые нельзя найти в отношениях между бывшим Первым и бывшим Третьим мирами» [Тлостанова 2011].

В одной из своих последних по времени работ М. Тлостанова подчеркивает, что «сложное пересечение постсоциализма и постколониализма нуждается в собственном дискурсе и собственной критической оптике». Она рассматривает постколониальность «как некий человеческий удел, как экзистенциальную ситуацию тех, кто родился на темной стороне модерности и, увы, не имеет возможности развоплотить свое (пост)колониальное состояние» [Тлостанова 2020]. Выделяя деколониальность в отдельную аналитическую категорию, она утверждает, что «простое описание постколониального удела или анализ его сегодняшних последствий в определенном пространстве должны вести к следующему шагу, целью которого является деколонизация мышления, бытия, восприятия, гендера, памяти». Эту логику можно экстраполировать и на развитие постсоветских феминистских теорий, политических стратегий и практик. Постсоветские, и в том числе российские, феминистки должны не только признать локальную (пост)колониальность, но и осознанно деколонизировать производство и передачу постсоветского феминистского знания.

Заключение. Синтезы локальности и универсальности

Феминизма в единственном числе не существует. Феминистская теория и практика давно распались на часто противоречащие друг другу множества. Сегодняшний условно глобальный феминизм – это клубок онтологических, эпистемологических, политических и этических противоречий. Универсальной остается только проблема, которая вдохновляет феминистское движение на протяжении многих десятилетий – это несправедливость гендерного неравенства. Поэтому потребность в развитии локальных и транслокальных феминизмов остается. В частности, исследователи, эксперты, журналисты, активисты и представители международных организаций обращают внимание на устойчивое и нормализованное гендерное неравенство в России. В этом контексте дискуссия о российских феминизмах как никогда актуальна. Критически переосмысляя как собственное прошлое и настоящее, так и опыт «западного» и транснационального феминистских движений, российское общество должно локализовать феминизм, признать потенциал женщин и стремиться к искоренению гендерного неравенства во всех его проявлениях.

Поступила в редакцию / Received: 15.09.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 18.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Библиографический список

- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Автономизация гендерных исследований в транснациональном пространстве: феминистские практики // *Гендерные исследования*. 2007. № 15. С. 75–92.
- Талавер С.* Зачем нам локальные феминистские истории? // *Васякина О., Козлов Д., Талавер С.* (ред.) *Феминистский самиздат. 40 лет спустя*. М.: Common place, 2020. С. 14–20.
- Глостанова М.В.* Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. М.: УРСС, 2004.
- Глостанова М.В.* Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 161 (1). С. 66–84.
- Поленина С.В.* Женский вопрос и строительство социалистического правового государства // *Труд, семья, быт советской женщины*. М.: Юридическая литература, 1990. С. 4–13.
- Пушкарева Н.Л.* Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // *Историческая психология и социология истории*. 2010. № 3 (2). С. 51–64.
- Пухова З.П.* Женское движение и перестройка в СССР // *Женщины в современном мире: К итогам 10-летия Женщины ООН*. М.: Наука, 1989. С. 58–63.
- Юкина И.И.* Двухликий Янус гендерной политики в России // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 30–38.
- Conway J.M.* Troubling transnational feminism(s): Theorising activist praxis // *Feminist Theory*. 2017. No. 18 (2). P. 205–227. <https://doi.org/10.1177/1464700117700536>
- Grewal I.* On the New Global Feminism and the Family of Nations: Dilemmas of Transnational Feminist Practice // *E. Shohat* (ed.). *Talking Visions: Multicultural Feminisms in a Transnational Age*. Cambridge, MA and London: The MIT Press, 1998. P. 501–530.
- Grewal I., Kaplan C.* Introduction: Transnational Feminist Practices and Questions of Postmodernity Scattered hegemonies: Postmodernity and transnational feminist practices. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. P. 1–36.

- Mahrouse G. Race-conscious transnational activists with cameras: Mediators of compassion // *International Journal of Cultural Studies*. 2008. No. 11 (1). P. 87–105. <https://doi.org/10.1177/1367877907083082>
- Mignolo W.D. Geopolitics of sensing and knowing: on (de)coloniality, border thinking and epistemic disobedience. *Postcolonial Studies*. 2011. Vol. 14, no. 3. P. 273–283.
- Moghadam V.M. Transnational feminist activism and movement building // *The Oxford handbook of transnational feminist movements* / R. Baksh-Soodeen, W. Harcourt (eds.). Oxford University Press, 2015. P. 53–83.
- Mohanty C.T. *Feminism without borders*. Duke University Press, 2003.
- Spivak G.C. Can the subaltern speak? // *Die Philosophin*. 2003. No. 14 (27). P. 42–58. <https://doi.org/10.5840/philosophin200314275>
- Suchland J. Is postsocialism transnational? // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 2011. No. 36 (4). P. 837–862. <https://doi.org/10.1086/658899>
- Tlostanova M. On Post-Soviet Imaginary and Global Coloniality: A Gendered Perspective. *Recueil Alexandries*, 2011. URL: <http://reseau-terra.eu/article1224.html> (accessed: 10.09.2021).
- Wilcox L.B. *Bodies of violence: Theorizing embodied subjects in international relations*. Oxford University Press, 2015.

References

- Conway, J.M. (2017). Troubling transnational feminism(s): Theorising activist praxis. *Feminist Theory*, 18(2), 205–227. <https://doi.org/10.1177/1464700117700536>
- Grewal, I., & Kaplan, C. (1994). Introduction: Transnational Feminist Practices and Questions of Postmodernity. In *Scattered hegemonies: Postmodernity and transnational feminist practices* (pp. 1–36). Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Grewal, I. (1998). On the New Global Feminism and the Family of Nations: Dilemmas of Transnational Feminist Practice. In E. Shohat (Ed.), *Talking Visions: Multicultural Feminisms in a Transnational Age* (pp. 501–530). Cambridge, MA and London: The MIT Press.
- Mahrouse, G. (2008). Race-conscious transnational activists with cameras: Mediators of compassion. *International Journal of Cultural Studies*, 11(1), 87–105. <https://doi.org/10.1177/1367877907083082>
- Mignolo, W.D. (2011). Geopolitics of sensing and knowing: on (de)coloniality, border thinking and epistemic disobedience. *Postcolonial Studies*, 14(3), 273–283.
- Moghadam, V.M. (2015). Transnational feminist activism and movement building. In R. Baksh-Soodeen & W. Harcourt (Eds.), *The Oxford handbook of transnational feminist movements* (pp. 53–83). Oxford University Press.
- Mohanty, C.T. (2003). *Feminism without borders*. Duke University Press.
- Polenina, S.V. (1990). The women's question and the construction of a socialist legal state. In *Labor, family, everyday life of a Soviet woman* (pp. 4–13). Moscow: Legal Literature. (In Russian).
- Pukhova, Z.P. (1989). Women's movement and perestroika in the USSR. In *Women in the modern world: Towards the results of the 10th anniversary of the UN Women* (pp. 58–63). Moscow: Science. (In Russian).
- Pushkareva, N.L. (2010). Women's History and Gender History: Achievements and Development Prospects in Russia. *Historical psychology and sociology of history*, 3(2), 51–64. (In Russian).
- Spivak, G.C. (2003). Can the subaltern speak? *Die Philosophin*, 14(27), 42–58. <https://doi.org/10.5840/philosophin200314275>
- Suchland, J. (2011). Is postsocialism transnational? *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 36(4), 837–862. <https://doi.org/10.1086/658899>
- Talaver, S. (2020). Why Do We Need Local Feminist Histories? In O. Vasyakina, D. Kozlov & S. Talaver (Eds.), *Feminist samizdat. 40 years after* (pp. 14–20). Moscow: Common place. (In Russian).
- Tlostanova, M. (2011). On Post-Soviet Imaginary and Global Coloniality: A Gendered Perspective. *Recueil Alexandries*. Retrieved September 10, 2021, from <http://reseau-terra.eu/article1224.html> (In Russian).

- Tlostanova, M.V. (2004). *Living Never, Writing from Nowhere: Post-Soviet Literature and the Transcultural Aesthetics*. Moscow: URSS. (In Russian).
- Tlostanova, M.V. (2020). The Postcolonial Condition and the Decolonial Option: A Postsocialist Mediation. *New Literary Review*, 161(1), 66–84. (In Russian).
- Wilcox, L.B. (2015). *Bodies of violence: Theorizing embodied subjects in international relations*. Oxford University Press.
- Yukina, I.I. (2011). Two-faced Janus of gender policy in Russia. *Woman in Russian society*, 3, 30–38.
- Zdravomyslova, E.A., & Temkina, A.A. (2007). Autonomous gender studies in the transnational space: Feminist practices. *Gender studies*, 15, 75–92. (In Russian).

Сведения об авторе:

Кутелева Анна Вячеславовна – доктор политических наук, научный сотрудник факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: akuteleva@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-7805-1607)

About the author:

Anna V. Kuteleva – PhD in Political Science, Research Fellow, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (e-mail: akuteleva@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-7805-1607)